
В.А. Чалмаев

Вешенская — центр автобиографического пространства Шолохова

Лев Толстой в 1858 году, пробуя определить место Ясной Поляны в своей судьбе, в художественном сознании, записал:

«Без своей Ясной Поляны я трудно могу себе представить Россию и мое отношение к ней. Без Ясной Поляны я, может быть, яснее увижу общие законы, необходимые для моего отечества, но я не буду до пристрастия любить его» («Лето в деревне»).

Необходимостью для Шолохова была станица Вешенская с ее неоглядными далями, желтыми плесами и разливом Дона, с вызолоченной солнцем степью, с протяжными донскими песнями. Английский писатель Ч. Сноу, очень пронизательный читатель эпопеи Шолохова, гость Вешенской, заметил, что именно вешенский простор — основа его лиризма:

«Под внешней оболочкой “Тихого Дона” скрывается страстное субъективное восприятие жизни».

Для создания обычного, документального, «объективного» эпоса нужно тщательное исследование документов, мемуаров, концепций, трудов историков... Таков был эпос, например, М. Алданова — вторичное оживление архива. Холодноватый и точный документализм на тысячи страниц. Шолохову же удалось сохранить на пятнадцать лет (с 1925 по 1940 год) тяжкого труда именно страстное, лирическое по существу восприятие многих эпических событий и жизненных решений героев «Тихого Дона». Вспышки его чувства передают слову теплоту душевной мелодии и колорит, они связывают слова в особый строй, стилистический лад.

Вешенская незримо, но очень надежно поддерживала в Шолохове вдохновение, тот творческий потенциал, который побеждает громоздкость натуралистического описания. Природное течение вешенского времени, вечно присутствующая динамичная картина Дона и неоглядных степных далей — это, в сущности, «рамка» всех основных событий «Тихого Дона», но она не безмолвная, не застывшая, а словно исповедующая художника, заставляющая что-то угадывать, домысливать. В итоге лирические отступления поэмы о степи, о Доне, о солнце, внешне излишние в сухой летописи о заблуждениях казачества в 1917–1921 годах, изменили свою природу, стали точкой отсчета взлетов и падений множества героев «Тихого Дона». Это уже не только лирические отступления, а сложнейшее синтезирующее пространство авторского текста, когда картины природы сливаются с авторскими эмоциями, входят в диалоги.

Эти отступления неожиданно сблизили шолоховский роман, самую подлинную эпопею XX века, и с русскими летописями, и с гениальным «Словом о полку Игореве», героическим прологом всей русской литературы, имеющими такое же единство авторского текста и предметных описаний.

Вообще Дон у Шолохова словно несет с собой поток бытовых и культурных традиций: здесь настоящее не упирается в прошлое как в тупик. Он всегда рождал в Шолохове полнокровную любовь к черноземью, обострял в нем, не любившем безликые «школы», «тенденции», «системы», то чувство, о котором Ф. Тютчев сказал: «В Россию можно только верить».

В шолоховском роду помимо легендарного Степана Шолоха (XV век), новгородского крестьянина (не случайно, видимо, первое писательское имя Шолохова — Михаил Шолох), выделяются три активнейших фигуры, говорящие о неукротимой энергии рода

и о глубокой связи всех Шолоховых с Донской землей, с Доном, великой казачьей рекой: Фирс Шолохов (1644–1708) из эпохи Петра I, его сын Сергей Фирсович Шолохов (1678–1720) — это пушкар из древнего Зарайска, городка на Рязанщине, поблизости от Коломны, где некогда в 1380 году сходились по пути на Куликово поле рати Дмитрия Донского, и дед писателя, Михаил Михайлович Шолохов, который подростком в 1850-е годы оставил Зарайск, поселился на Верхнем Дону. Он был крепким купцом 2-й гильдии и имел на Дону три лавки с двумя питейными подвалами — в Вешках, на хуторе Дудареве и на хуторе Кружилине. Не прошло и полвека, как цепкий род Шолоховых укоренился на Дону весьма прочно: об этом говорит и тот факт, что дед писателя женился на дочери купца Василия Мохова Марии Васильевне. Как ни рассматривай предысторию рода Шолоховых — во всем завидная прочность, устойчивость и изобилие твердости в характерах. А ведь разночинцы-иностранцы на Дону — объект кастовой неприязни, антагонизма.

Об отце писателя Александре Михайловиче Шолохове, о его донских корнях писатель в зрелые годы вынужденно скажет кратко:

«Отец — разночинец, выходец из Рязанской губернии, до самой смерти (1925 год) менял профессии. Был последовательно “шибаем” (скупщиком скота), сеял хлеб на покупной казачьей земле, служил приказчиком в коммерческом предприятии хуторского масштаба, управляющим паровой мельницы...»

Для 1931 года, когда Шолохов почти искусственно превращался в образцового советского писателя, «без сучка и задоринки», такой лаконизм анкеты вполне естественен. Конечно, сказано о непростой жизни отца весьма немного и даже сухо. Не полагалось в те годы гордиться отцом-протоиреем, дедом-купцом, прадеда-генерала надо было скрывать. Но ведь откуда-то брались, возникали в памяти отца, предприимчивого разночинца, изъездившего весь Дон, прекрасные донские песни с часто душещипательным, трогательным сюжетом!

Их источником могла стать именно лавка в станице, которая по сути являла собой «клуб», кладезь языка, скопление сюжетов.

Отец Александр Михайлович Шолохов (1851–1925) после окончания церковно-приходской школы весьма энергично освоил именно навыки «говорливой» профессии приказчика, затем заведующего мануфактурной лавки в хуторе Кружилине. Между тем образ отца в анкетах как-то нарочито избавлялся от кустодиевской купеческой вольности и превращался чуть ли не в образ передового разночинца, одержимого идеей самообразования, поместившего сына в одну гимназию, затем в другую.

По делам, связанным с закупкой и перепродажей хлеба, А.М. Шолохов часто бывал в соседнем с Кружилиным родовом имении помещика Попова Ясеновке (в «Тихом Доне» — это имение Листницких Ягодное), где и познакомился с будущей матерью писателя, горничной хозяев («холопкой») Анастасией Даниловной Кузнецовой, в девичестве Черниковой (1871–1942). Она жила и служила здесь с 12 лет.

* * *

«Не матери родят нас, дом родит...» Так сказал однажды брат Шолохова по казачьей теме семиреченец Павел Васильев. Можно сказать, что Шолохов вырос на своеобразном стыке разных сословий — потомственного казачества, дворянства, разночинства, крепостной деревни. Так связал все любовный узел, путаница сильных страстей, связанная с необычной судьбой и характером матери.

Судьба Анастасии Даниловны Черниковой (украинки из Черниговской губернии) и все обстоятельства ее бракосочетания с А.М. Шолоховым — источник многих сюжетных линий и конфликтов в «Тихом Доне».

В автобиографиях 1930-х годов Шолохов вынужден был оптимизировать в социальном плане образ матери: «Дочь крепостного крестьянина, безземельного, обремененного большой семьей». И все. В учебнике по литературе 1933 года Л. Поляк и Е. Тагера по-

пролетарски прямо было сказано: «Мать Шолохова трудилась на земле». Никакого романтического начала не введено: виден только социальный тип угнетенной представительницы низовой России, попавшей в классовую зависимость, в кабалу при барах.

Безусловно, время заставляло биографов (и самого писателя) сжимать анкетные данные, многое изгонять из нестандартной биографии отца-торговца и из сложного жизнеописания угнетенной холопки-матери, вводить некие смягчающие подробности, приукрашивающие классовую сторону всей родословной.

Итак, «трудилась на земле»... Да ведь надо же еще и вспомнить слово Карамзина, что «и крестьяне любить умеют!». И Шолохов очень любил, отлично знал замечательную повесть (1883) Лескова «Житие одной бабы» («Амур в лапоточках»), отчасти повлиявшую на все освещение истории любви Григория и Аксиньи. Эта повесть, как и «Леди Макбет Мценского уезда», «Воительница», — повесть о «людях с просторным сердцем». Великолечно сказано — как будто о героях «Тихого Дона», как впрочем, и о Лушке Нагульновой, Андрее Соколове. Шолохов любил людей с просторным сердцем, вмещавшем множество страстей.

В повести Лескова героиня не просто полюбила деревенского героя, песенника, а была, как сказано, «охвачена песней», пленена той песней, что выражала его просторное сердце, песней, с которой он проходил мимо ее дома.

Свой «амур в лапоточках» возник и в имени Поповых Ясеновке. И вовлек в драму многих лиц. Положение Анастасии Даниловны в Ясеновке в чем-то сделалось похожим на положение Аксиньи, только до определенного времени одинокой. Она фатально была обреченной на типичный «усадебный» роман (соблазнение) с богатым «панычем».

Но видимо, чувство Дмитрия Попова к соблазненной горничной с ярким характером было не поверхностным. И она не просто стала объектом ухаживаний молодого пана, но и обрела определенную власть в доме.

Видимо, для разрушения этой «горячки» красивую горничную, да еще ожидавшую ребенка от Дмитрия, хозяева поместья выдали замуж за зажиточного степенного казака-атамана Стефана Кузнецова. О каком-либо счастье в этом браке никому, видимо, мечтать, не приходилось. А когда родившаяся девочка умерла, то Анастасия, женщина, безусловно, гордая, с властным и твердым характером, уверенная в себе, опять вернулась в Ясеновку-Ягодное к Поповым.

Александр Михайлович Шолохов, ее новый муж, по существу, женился на ней, переступал через множество прочных преград: он вырвал жену из имения и из чужой семьи, сделал фактически «двоемужницей».

Может быть, два самых сложных, несчастливых в семейном плане героя — Степан Астахов в «Тихом Доне», муж грешной, вечно прощаемой им Аксиньи, и Макар Нагульнов в «Поднятой целине», по-своему страдающий из-за неверной, шальной, но любимой Лушки, — берут начало в скрытой драме отца писателя?

* * *

Читатель «Тихого Дона» обычно изумляется содержательной емкости исторического повествования, безграничной памяти говорящего, дроблению личности повествователя на множество эмоциональных состояний героев.

Константин Симонов, частый оппонент Шолохова, назовет его «великим упрямым». Откуда это упрямство в сотворении своей, непохожей ни на чью, биографии, в борьбе за «Тихий Дон»?

Как правило, в биографиях Шолохова присутствует какая-то неправдоподобная идилличность. «Он играл на пыльных заросших улицах с ровесниками — казачатами... Юный, он гулял с молодыми казачками... и песня шла с ними, а над ними луна. Пятнадцатилетним подростком (то есть в 1920) Шолохов стал учителем по ликвидации неграмотности. Его переполненная недетскими впечатлениями душа рвалась, жаждала немедленного возмездия, справедливости» (это уже о борьбе с бандами Махно, Фомина,

Кондратьева), — так стандартно писалось о Шолохове в 1914–1920 годах (Ф. Бирюковым и В. Вороновым).

Играл, гулял, затем вдруг — гонялся за бандами. Ликвидировал неграмотность, сочинял пьески для самодеятельного театра.

А между тем разве родная семья не была великим жизненным университетом, разве не великим упрямцем был отец: до 1913 года он жил с «двоемужницей», его сын носил фамилию Кузнецов? Годами продолжался этот вызов родне, вызов, породивший традиционный русский порок — пьянство, от которого он в итоге и умер.

Великое множество обстоятельств — крупного и мелкого плана: и учеба в гимназиях Москвы (1914–1915), Богучара, Воронежа (с осени 1918), и вечная панорама Дона и степей, и особый казачий патриотизм — породили в Шолохове другое, куда более судьбоносное упрямство. Шолохов-гимназист понимал, что составной частью мироощущения многих поэтов 1911–1916 годов, а затем и первых лет послеоктябрьской эпохи, было игровое, часто позерское стремление к разрыву с литературными традициями, которые иногда проявлялись даже на уровне псевдонима: Андрей Белый вместо Бугаева, Федор Сологуб вместо Тетерникова, Игорь Северянин вместо Лотарева и т.д. Кто знает, будь послабее родные, станично-усадебные корни, эта традиция могла бы затронуть и молодого Шолохова.

Все это пиршество безнациональной риторики поджидало Шолохова в Москве.